

Сиражудинова С.В.¹, Гусейнов Ю.М.²,
Мутиева О.С.³

^{1,2} Дагестанский государственный университет народного хозяйства

³ Дагестанский государственный университет;

^{1,2} 367008, Россия, г. Махачкала, ул. Атаева 5

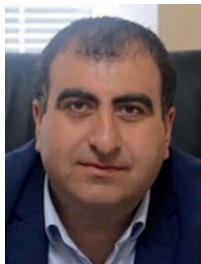
³ 367000, Россия, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43а

¹ saida_kant@mail.ru; ² g.usup@mail.ru; ³ mutiewa.oksana@yandex.ru

Женская активность в религиозной и обрядовой сфере на Северном Кавказе в дореволюционный период

С.В. Сиражудинова

Ю.М. Гусейнов

О.С. Мутиева

Аннотация. Гендерный аспект религиозной и обрядовой жизни на Северном Кавказе в дореволюционный период, это вопрос, который не выделялся исследователями и на сегодняшний день требует изучения. Исследование женской роли в сфере духовной показывает, что, несмотря на исключение женщин из публичной религиозной активности, попыток борьбы с женскими ритуалами в период усиления исламизации при Иمامе Шамиле, роль женщин в обрядовых практиках в доисламском обществе и в начальный период после принятия Ислама была значительной, но в тоже время скрытой от посторонних. Женская обрядовая активность была неизменной частью повседневной жизни. В основе этой работы анализ публикаций и архивных материалов исследователей региона XVIII – начала XX вв. В работе типологизируются публикации и архивные материалы по теме исследования и типу описанию женских практик в концепте «ограничений» и отношения к данным практикам как пережиткам язычества и доисламских верований, как отражения первых этапов формирования «народного Ислама» в регионе. Данное исследование позволит увидеть скрытый ранее (и преднамеренно скрываемый) религиозный аспект духовной жизни общества. В работе представлено сравнение внешнего взгляда на духовные и обрядовые практики и их самовосприятие внутри кавказского общества. Выявлена женская роль в духовной жизни и обрядовых практиках региона, что позволяет нам говорить о том, что роль женщин в сфере религии и обрядов, в том числе – публичная, в дореволюционный период была частью повседневной жизни кавказского общества, что перешло в локальные варианты «народного ислама» и его каждодневные непубличные практики.

Ключевые слова: ислам, гендер, религия, женская активность, религиозная практика, Северный Кавказ, суфизм, синкретизм

Saida V. Sirazhudinova¹, Yusup M. Huseynov²,
Oksana S. Mutieva³

^{1,2} Dagestan State University of National Economy; ³ Dagestan State University

^{1,2} 5 Ataeva st., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia

³ 43a Gadzhieva st., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia

¹ saida_kant@mail.ru; ² g.usup@mail.ru; ³ mutiewa.oksana@yandex.ru

Women's Activity in the Religious and Ritual Sphere in the North Caucasus during the Pre-Revolutionary Period

Abstract. The gender aspect of religious and ritual life in the North Caucasus during the pre-revolutionary period has not been studied by researchers and today requires further study. A study of female roles in the spiritual sphere reveals that, despite women's exclusion from public religious activities, attempts to suppress female magical rituals during the time of increasing Islamization under Imam Shamil were made, while the role of women in pre-Islamic ritual practices and during the initial period after Islam adoption was significant but at the same time hidden from outsiders. Women's ritual activities were an integral part of daily life. This paper is based on an analysis of publications and archival materials from researchers from the region during the 18th – early 20th centuries. In the work, we typologize publications and archival materials according to

the subject of interest and the type of description of women's practices within the concept of "restrictions" and the attitude towards these practices as remnants of paganism and pre-Islamic beliefs as a reflection of the early stages of the formation of "folk Islam" in the region. This study will allow us to see the previously hidden (and intentionally hidden) aspects of religious life in society. The work presents a comparative analysis of external view on spiritual and ritual practices and their self-perceptions within Caucasian society. It reveals the female role in spiritual life and ritual practices within the region, allowing us to say that women played a significant role in religion and rituals, including public ones, in pre-revolutionary society, which became local versions of "folk Islam" and its non-public daily practices.

Key words: Islam, gender, religion, women's activity, religious practice, North Caucasus, Sufism, syncretism

Введение

Актуальность темы связана с абсолютизацией религиозного фактора и политики исключения женщин из духовной сферы. На Северном Кавказе происходит попытка избавления от традиционных корней и замена новыми трактовками религии, вытеснением «арабизацией» остатков народной культуры. В забвение уходят практики и знания об истоках религии, понимание специфики местного ислама, который вобрал в себя элементы прежних домонотеистических верований и обрядов, что приводит к утрате «культурного кода» и обезличению региона.

В статье рассмотрены женские обрядовые практики в новом ракурсе. Мы рассматриваем и описываем не сами практики, как это принято в науке, а изучаем процесс их сохранения и живучести в условиях попыток вывода женщин из обрядовой сферы, осуждения и даже сурового наказания за языческие практики, которые встречались в период установления Имамата в регионе, актуальны сейчас и связаны с убийствами и пытками женщин, практикующих ворожбу (гадания).

Важно изучить и выявить уходящий в забвение и исключённый из обсуждения гендерный фактор в традиционных обрядовых, оккультных и религиозных практиках, составляющих связь с сакральным в кавказском обществе, что и позволит нам провести анализ источников XVIII – начала XX вв., показать женскую активность в религиозно-обрядовой сфере и ритуальных практиках на Северном Кавказе в дореволюционный период.

Материалы и методы

Материалами для исследования стали архивные источники – а именно документы Центрального государственного архива Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация). Авторами были проанализированы фонды 102 и 133 (Ф. 102 Инспектор участка Темир-Хан Шура; 133 Ф. Податный инспектор Аваро-Андийского участка, г. Темир-Хан-Шура), в которых нашли своё отражение, в том числе, и сведения о женской религиозной активности в обрядовой сфере.

Помимо перечисленного привлекались материалы периодической печати: «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа», газета «Кавказ», журнал «Военный сборник». Авторы, публиковавшиеся этих изданиях, писали в совершенно разных жанрах – это этнографические очерки и путевые заметки, которые освещали общественный и семейный быт дагестанских народов, в том числе, религиозные и обрядовые практики.

Следует отметить интересную работу об этнографии кумыков Д.-М.М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках», которая небольшими частями выходила в газете «Кавказ» за 1848 год [Шихалиев, 1848, 33–34].

В «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» печатались интересные сведения о народах Северного Кавказа. Так, в одном из выпусков за 1884 год был опубликован материал О. Каранаилова о традиционных обрядах женщин аварского аула Чох [Каранаилов, 1884, 10–20].

В этом же сборнике встречаются дагестанские предания и суеверия, которые описаны М.А. Дибировым [Дибиров, 1884, 27–28]. Одно из преданий описывает ритуал, который совершается с участием женщин на могиле шейха Асельдера [Дибиров, 1884, 27–28].

Различные верования и культы, религиозно-обрядовые ритуалы, применяемые женщинами Нагорного Дагестана в быту, также нашли своё отражение в архивных материалах [РФ И ИЭА ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 525. Л. 29].

Ценные сведения содержатся в работе Мухаммед-Тахира Ал-Карахи, летописца Кавказской войны и главного писаря имама Шамиля. Данная работа представляет интерес в контексте «ограничений» для женского социума имамата. Описывая повседневную жизнь населения имамата, Мухаммед-Тахира Ал-Карахи показывает, как под влиянием шариата ужесточались социальные нормы в отношении женщин, под запретом были традиционные обряды и ритуалы. Материал находится в Центральном Государственном Архиве Республики Дагестан [ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 3. Д. 2. Л. 20].

Исторические и этнографические материалы позволяют оценить реальную женскую активность в дореволюционный период.

Также мы рассмотрели такие источники, как обычное право, которое имело свои особенности и различия в каждом регионе. Авторами проанализированы работы, посвящённые обычному праву, как народов Дагестана [Комаров, 1868, 1–96], [Львов, 1870, 1–32], [Магомедов, 1979, 47], так и других народов Кавказа [Ковалевский, 1980, 151–200], [Леонтович, 1882, 270].

Анализировался локальный фольклор, который косвенным образом рассказывал о женской религиозной и обрядовой активности. Самым ярким примером женского участия в сфере сакрального является Нартский эпос, который выстраивается вокруг фигуры героини, с активностью которой связаны многие сюжеты эпоса.

Лирические, исторические и героические народные песни, пословицы и поговорки стали наиболее информативным и продуктивным источником для анализа традиционного женского сознания у народов Северного Кавказа в обозначенный период.

Следование гендерному подходу предоставило исследователям возможность включить историю женщин в исторический канон, продемонстрировать, что женщины не были безмолвной массой, подчинённой мужчинам и не имеющей собственных взглядов и идей. Благодаря гендерному подходу, применяемому в исследованиях традиционного Северного Кавказа, «женская» история постепенно занимает важное место в историко-научном сообществе.

Методологическая основа исследования строилась на принципах объективности, с применением общеисторических методов (ретроспективный, сравнительный и др.), для анализа женских повседневных практик. При исследовании тех или иных практик учитывались исторические условия и процессы, происходившие в дагестанском обществе.

Сравнительный метод был применён для сравнения позиций авторов, сопоставления значения и исполнения разных обрядовых практик. Ретроспективный метод позволил нам сквозь призму истории, не только выявить, но и описать существующие ранее практики и обряды. Метод анализа, в свою очередь, позволил нам вычленить отдельные обряды и практики, рассмотреть их, восстановить их роль и значение.

Обсуждение

Несмотря на то, что многие авторы изучали ритуальные обряды народов, эти практики не рассматривались в контексте женской активности и трансформаций женского принятия для участия в религиозной жизни. Отдельные её аспекты были подняты в трудах известных этнографов-кавказоведов, однако цельного, комплексного исследования не проводилось.

В дореволюционной историографии в контексте изучения обычного права дагестанских народов, сведения, касающиеся статуса женщин у народов Кавказа, рассматривали А.В. Комаров [Комаров, 1868], Ф.И. Леонтович [Леонтович, 1882], М.М. Ковалевский [Ковалевский, 1890].

Интересные наблюдения, отражающие семейный и общественный быт аварского села Ботлих, оставили Н. Львов [Львов, 1871], П.Г. Пржецлавский, [Пржецлавский, 1860].

Среди дагестанских дореволюционных авторов можно выделить Д.-М.М. Шихалиева [Шихалиев, 1848], Г.М. Дебиров [Дебиров, 1884], О. Каранаилова [Каранаилов, 1884], С. Габиева [Габиев, 1906], которые в своих исследованиях касались вопросов религиозно-обрядовой сферы дагестанских народов.

Современные учёные анализируют доисламские обрядовые и религиозные практики в контексте сосуществования с исламом с момента утверждения и по настоящее время. В этой связи, для нашего исследования представляют интерес работы Х.Л. Ханмагомедова, М.А. Дибирова, С.Ш. Гаджиевой, А.Р. Шихсаидова, Р.И. Сефербекова, К.Г. Гусаевой, З.А. Алигаджиевой [Ханмагомедов, 1997; Дибиров, 1998; Гаджиева, 1989; Сефербеков, 2009; Sirazhudinova, 2023; Алигаджиева, 2008; Гусаева, 2006; Шихсаидов, 2010].

Важную работу по изучению истории региона, источников и Нартского эпоса с позиций гендерного подхода провела М. Тукуева [Tekueva, 2014].

Историографический анализ литературы в оценках степени влияния ислама на дагестанское общество позволяет сделать вывод, что и после утверждения мусульманской религии население продолжало жить по обычаям предков, традиционные культы, доисламские обрядовые и религиозные практики и шариатские нормы взаимно адаптировались [Комаров, 1868, 7; Ковалевский, 1880, 18; Леонтович, 1882, 147].

В советский и постсоветский период было опубликовано много работ по истории и этнографии Дагестана, где содержатся интересные материалы по общественному и семейному быту дагестанских народов. Вместе с тем, сведения, касающиеся гендерного фактора в традиционных обрядовых и религиозных практиках, детально не были изучены.

Результаты

Бог и религия. В XVIII веке среди дагестанских народов окончательно утверждается религия ислам. При этом новая религия, распространившись по всему Дагестану, стала ещё и культурой, и образом жизни [Шихсаидов, 2010, 31].

С насаждением мюридизма новые шариатские нормы способствовали сегрегации женщин в общественной жизни, и в религиозно-обрядовой сфере в частности. На территории, подвластной имамату, в декларированной форме регламентировалось социальное поведение женщин.

Дибирь во время проповедей внушали женщинам, «что их главная религиозная обязанность – угождать своему мужу» [Львов, 1870, 4].

Несмотря на то, что дагестанских женщин отличала высокая набожность, нередко они сопротивлялись шариатским религиозным установкам. Они перечили дибирям, заявляли о мужском интересе в религии, даже под страхом наказания продолжали исполнять доисламские обряды [Львов, 1870, 4] и т.д.

В XIX – начале XX века ислам, внедряясь в духовную жизнь народов Дагестана, наполняет «специфическим содержанием» местные верования и культы, которые сложились на протяжении длительного периода истории [Гусаева, 2006, 75].

Женские обряды отличает восприятие мира сквозь сверхъестественное. В обрядах вызывания дождя во время засухи, обрядах, призванных собрать богатый урожай, сохраняются пережитки язычества.

В бытность установления имамата под запретом оказались многие обрядовые практики с участием женщин, увеселительные действия с участием ряженых, которые воспринимались мюридами как пережитки язычества.

Учитывая, что языческие обряды имели многовековую традицию, общество противилось тем шариатским нормам, которые не соответствовали традиционному образу жизни и ментальности народа.

По сведениям Мухаммед-Тахира, нарушительниц общественных нравов ожидало наказание со стороны мюридов – их штрафовали [ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 3. Д. 2. Л. 20].

Поскольку после пленения имама Шамиля шариатские нормы заметно ослабели, дошариатские традиции с участием женщин стали возрождаться [Пржецлавский, 1860, 271].

Сохраняется синкретизм в практиках календарной обрядности, в религиозных представлениях и обрядах, языческие и исламские традиции мирно сосуществуют, и общество положительно санкционирует такие практики.

Так, женщинами Андалалского вольного общества на старом кладбище проводился обряд вызывания дождя – они, читая молитвы, поливали водой могилы шейхов или местных святых [Алигаджиева, 2008, 15].

Женщины аварского селения Чох совершали ритуальные действия на могиле Камилл – Башир с целью вызывания дождя – исполняли ритуальный танец *чух-хлак*. По сведениям Г.Ф. Чурсина, во время обряда они были с распущенными волосами и входили в транс [РФ И ИЭА ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. Л. 119].

Во время обряда вызывания дождя языческий ритуал сопровождался молитвами, которые нередко произносил мулла. Один из таких обрядов имел хождение среди кумыков. Обряд заключался в следующем: во время сильной засухи мулла надевал на голову женщины дырявый мешочек, а тело её обвязывали верёвкой, конец которой держал один из участников процессии. Женщину водили вдоль реки, обливали водой из кувшинов, произнося слова: «Ай, Аллах, дай нам дождя» [Гаджиева, 1979, 79].

Аналогичный обряд встречается в с. Ругуж: девушку, ряженную в стебли конопли и с соломой на голове, водили по всему аулу женщины и дети. Обряд вызывания дождя заключался в следующем: процессия с песней обходила все дворы, где падающую «в обморок» ряженую обливала водой хозяйка дома, после чего «оживала». Завершался обряд шутивным сталкиванием ряженой в реку [Муртузалиев, 2008, 38–39].

Данный материал подтверждает полевые исследования. Так, в высокогорных аулах Дагестана у женщин (взрослого поколения) имеются на теле различные изображения в виде татуировок. Как сообщают сами респондентки, данные изображения были направлены на вызывания дождя в родном крае.

По традиции весной у табасаранцев непосредственно перед началом первого посева проводился специальный обряд. Исследователь Б.М. Алимова описывает обряд следующим образом: сеяльщика-мужчину сопровождала самая авторитетная женщина аула, обычно – мать, у которой было много детей. Всем присутствующим во время посева женщина раздавала хлеб, а в ответ звучали слова-пожелания «Бегъерлу йис ибшри! – Пусть год будет плодоносным!» [Алимова, 1992, 76].

Практически у всех народов Дагестана в календарной и свадебной обрядности имело место ритуальное ряженье с переодеванием женщин в мужскую одежду.

Женщины-ряженые принимали участие в обрядах и дагестанских азербайджанцев с. Берикей. Во время обряда на голову женщины надевали мешок, а вокруг тела обвивали ветки ивы [Ханмагомедов, 1997, 155–156].

Как правило, в роли женщины-ряженой обычно выступали вдова или замужние сёстры, золовки, тёти жениха. Молодые девушки в такой роли не выступали, поскольку им не положено было своим поведением вызывать общественный резонанс.

В селениях Тидиб и Гидатль Шамильского района ряженных женщин называли *чиртил бахлапе*, что буквально переводится как «тряпичная невеста». Так, в Гидатли во время свадьбы ряженные женщины своим поведением должны были имитировать живых кукол [Дибиров, 1988, 125–127].

По мнению дагестанского этнографа Р.И. Сефербекова, обрядовое женское ряженье – это реакция «на жёсткую регламентацию гендерных ролей в традиционном горском обществе». Таким образом, женщины демонстрируют свой протест, нарушая все существующие в обществе запреты и предписания [Сефербеков, 2009, 245].

Многочисленные народные поверья о колдуньях, ворожеях и ведьмах есть лишь отголосок тех древних времён, когда жертвоприношение, заклятия были в руках у женщин. В дагестанском обществе женщине приписывали особые свойства, связанные с её способностями к колдовству. Общество наделяло её таковыми способностями не столько на основании её физических особенностей, сколько благодаря общественному мнению, считали, что женщины более способны к ритуально-обрядовым практикам, нежели мужчины.

Необходимо отметить, что ритуалы и колдовские представления дагестанских народов имели ярко выраженные охранительные, так называемые апотропейные (защитные) функции.

Многие обычаи, которые имели рациональную основу, тем не менее, облекались в магическую форму суеверий. Так, например, почти во всех табасаранских сёлах женщин-рожениц, у которых пропадало молоко, приводили к целебному источнику [Алимова, 1992, 164].

Особый интерес для исследователя должны представлять злые духи и демоны, которые сохранились в реликтах семейной обрядности народов Дагестана. Одним из самых архаичных персонажей является образ Албасты, демон, вредящий роженице [Гаджиев, 1992, 27]. У различных народов в названии данного демона встречается ключевое слово «ал», но в различных сочетаниях (Албасты, Албассы, Албаслы, Албарсты, Алвасти и т.п.).

Чтобы защитить роженицу и ребёнка, женщины дома тщательно закрывали все окна и двери, тем самым оберегая мать и ребёнка от Албаслы. Отпугивали демона специальными действиями: гремели домашней утварью и подручными предметами, считая, что, испугавшись Албаслы убежит [Гайдарбекова, 2010, 19].

Вся жизнь дагестанской женщины была пронизана явлениями чудотворства и обрядовыми ритуалами. Присутствуя в повседневных действиях женщины, заговоры, ритуальные песни были обычным явлением, а эффективность этих ритуалов не вызывала в обществе никаких сомнений.

До наших дней дошли традиционные песни, которые женщины исполняли во время обряда вызывания дождя. Одна из них подводит к идее необходимости дождя:

- Пёстрые мешки мы надели,
- Гьалай!
- Чтобы белые дожди пошли
- И синие мешки наденем
- Чтобы с громом дождь полил
- Пусть с громом дождь польёт!
- Пусть закрома наполнятся!
- Опустошившая закрома
- Пусть жёлтая засуха уйдёт
- Пусть посевы зазеленеют!
- Радуюсь своим посевам [Аджиев, 2005, 147].

Пусть крестьянин процветает!

Представляют интерес песни-плачи, которые женщины исполняли в похоронных обрядах. Возникнув в древности, плачи-причитания в последующем подверглись трансформации, получив у некоторых народов стихотворную форму [Гайдарбекова, 2010, 173].

Громкий плач и громкие причитания сопровождалась у кумыков, в случаях, когда в раннем возрасте (особенно не своей смертью).

«Ты гелин радостная пришла на наш порог,
К вечеру твой дом опустеет.
Дым родного дома не восстановит
И теперь дым не доходит до облаков...
Ты совершала много работы по дому;
Ты мыла полы, готовила еду, занималась хозяйством;
Ты много шила и вязала для своих родных;
Твои уста покинули родной дом и пришли к нам...» [Гаджиева, 1961, 15].

Став свидетелем обряда оплакивания усопшего в одном из дагестанских аулов, П.Г. Пржецлавский писал: «Ближайшие родственницы с растрёпанными волосами и опущенною до пояса рубашкою или одетые в кули, с прорезанными для головы и рук отверстиями, колотят себя пуще других и с плачем импровизируют песню, восхваляющую достоинства умершего» [Пржецлавский, 1860, 284].

Информацию специальной этнографической литературы подтверждают и полевые этнографические исследования, собранные авторами в различных аулах

Дагестана. Так, респонденты рассказали, что имелись специальные плакальщицы, которые за определённую плату выполняли свои функции на похоронных обрядах родного селения [Махарова Зумруд, 1937 г.р., селение Мегеб, Гунибский район, Республики Дагестан, и Ахбердиева Хадижат, 1938, селение Хунзах, Хунзахский район, Республики Дагестан].

Вызывают интерес проклятия, которые нередко исходили от женщин. В каждом селе были 2–3 женщины, имевшие репутацию способных к проклятьям, они имели физический или психический изъян. Объектом проклятий, как правило, были женщины села: разлучницы, разведённые. При желании нанести вред или порчу женщине-сопернице у кумыков делали куклу халмач из курдюка. Было поверье, что если нанести вред кукле, то автоматически это перейдёт на человека, против которого и был проведён ритуал. Захоронить куклу старались там, где человек обычно бывал чаще всего, произнося слова заговора: «Чтобы ты высох, пропал так же, как эта кукла» [Гайдарбекова, 2010, 193].

Особо интересны общества, в которых в виде традиций сохранились элементы домонотеистических верований (осетины, адыги и т.д.) [Abercromby, 1891, 173]. В адыгейском языке для обозначения колдовства, колдунов и ведьм существует только одно слово «уд», которое можно применить к людям, наделённым сверхъестественными способностями, и производное от него «удыгъэ», что означает «практиковать» колдовство». Как и жители других республик Кавказа, адыгское общество в период XIX века оставалось «пропитанным магией и колдовством, и присутствовало в повседневной жизни женщины» [Kumakhova, 2002, 982].

Народы Кавказа (чеченцы, дагестанцы) использовали обереги от «сглаза». Это могли быть красная шерстяная нить на руках ребёнка, ветки айвы или боярышника, суры из Корана, которые зашивала в ткань на теле девочки-первенца, родители которой были живы [Khasbulatova, 2021, 12]. В разных дагестанских сёлах использовались разные амулеты (когти медведя, зубы волка и т.д.) [Карпов, 2013, 171].

Повсеместно «глаз» снимали окуриванием (жжёной бумагой, поджиганием веточки чабреца) и брызгами водой.

В Дагестане магические знаки ставились на тело женщин в виде традиционных татуировок [Steinberg, 2007, 747].

Хранительницей традиций всегда была женщина, и она передавала каждому новому поколению знания о традиционных обычаях и способах, языческие обряды сохранялись, отчасти сливаясь с религией и представляясь народу как мусульманские.

Особого внимания заслуживают традиции и пиры адыгских народов [Tekueva, 2012, 39]. Нартские саги, в основе которых «многогранная фигура Сатаны» [Colarusso, 1989, 4–5], провидицы, образцы красоты и мудрости, вечной молодости, страсти, преданность и предательство [Colarusso, 2002, 321].

Здесь и отражение женских культов – «жизненной силы» воды [Colarusso, 1989, 5]. Катрин Зирбел отмечала, что «окультурные практики женщин связаны со сферами деторождения, плодородия, брака, защиты потомства. Так, чтобы предотвратить бесплодие, женщины завязывали узлы на определённых деревьях (как символы плодородия), проходили между двумя камнями, стоящими близко друг к другу. На Кавказе семена и крупы бросали на молодожёнов, фрукты были символом плодovitости, против нечисти использовали лук, чеснок, металлические предметы: нож или ножницы, которые клали под подушку матери или ребёнка [Zirbel, 1982, 18–20].

Заключение

Анализ источников, архивов, фольклора и практик показал, что чудотворное, оккультное и сверхъестественное очень тесно вошли в жизнь женщины и оставались их прерогативой на протяжении всего исследуемого периода.

Жизнь женщин в традиционном обществе – это череда обрядов, практик и традиций, которые демонстрируют их вовлечённость в слившиеся с религиозными представлениями, но ставшие запретными после усиления исламизации, практики.

В тексте видно, как боролись с языческими практиками в бытность Имама Шамиля. Несмотря на все запреты, женщины скрытно практиковали их, по-

скольку верили в чудотворную силу этих ритуалов. Благодаря женщинам они транслировались из поколения в поколение и сохранились по настоящее время в культуре дагестанских народов.

Также заметна разница в подходах, в оценке женских ритуальных практик. Так, местные авторы либо обращались к исключительно описательному, абстрагированному подходу, либо допускали критические замечания и осуждение (за исключением осетинских и кабардинских авторов, возвеличивающих своих фольклорных героинь и их достижения).

Зарубежные авторы воспринимали описанные практики со свойственной ориенталистам заинтересованностью, как колоритные и экзотические.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект» Российского научного фонда № 22-28-00484, <https://rscf.ru/project/22-28-00484/>

Acknowledgement

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project “Religious organizations, strategy and practice in the South of Russia in the context of overcoming radicalism: gender aspect” of the Russian Science Foundation No. 22-28-00484, <https://rscf.ru/project/22-28-00484/>

Библиографический список

1. Аджиев, А.М. Устное народное творчество кумыков / А.М. Аджиев. – Махачкала, 2005. – 425 с.
2. Алигаджиева, З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / З.А. Алигаджиева. – Махачкала, 2008. – 26 с.
3. Алимова, Б.М. Табасаранцы XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование / Б.М. Алимова. – Махачкала, 1992. – 264 с.
4. Гаджиев, Г.А. Домонотеистические верования и обряды народов Дагестана: рудименты язычества в традиционной духовной культуре дагестанцев: автореф. дис. ... д-ра истор. наук / Г.А. Гаджиева. – Москва, 1992.
5. РФ И ИЭА ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института ИЭА ДНЦ РАН.
6. Гаджиева, С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1961. – 388 с.
7. Гаджиева, С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков / С.Ш. Гаджиева. – Махачкала, 1989. – 98 с.
8. Гусаева, К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности / К.Г. Гусаева. – Махачкала: Наука плюс, 2006. – 368 с.
9. Дебиров Г.М. Дагестанские предания и суеверия / Г.М. Дебиров // СМОМПК. – Тифлис, 1884. – Вып. 4. – С. 25–38.
10. Дибиров, М.А. Традиционные обряды и обычаи в современной гидатлинской свадьбе / М.А. Дибиров // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. – Махачкала, 1988. – С. 118–130.
11. Каранаилов, О. Описание аула Чох / О. Каранаилов // СМОМПК. – Тифлис, 1884. – Вып. 4. – С. 1–24.
12. Карпов, Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа / Ю.Ю. Карпов. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. – 408 с.
13. Ковалевский, М.М. Закон и обычаи на Кавказе / М.М. Ковалевский. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – Т.2.
14. Комаров, А.В. Адаты и судопроизводство по ним / А.В. Комаров // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Вып. 1. – С. 1–96.
15. Леонтович, Ф.И. Адаты Кавказских горцев / Ф.И. Леонтович // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1882. – Вып. 2. – С. 1–340.
16. Львов, Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени / Н. Львов // ССКГ. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. – Вып. 3. – С. 1–32.

17. Магомедов, Р.М. По аулам Дагестана / Р.М. Магомедов. – Махачкала, Дагучпедгиз, 1979. – 155 с.
18. Муртузалиев, Ю.М. Мифологическая проза табасаранцев: дис... канд. филол. наук / Ю.М. Муртузалиев. – Махачкала, 2008.
19. Пржещлавский, П. Нравы и обычаи на Кавказе / П. Пржещлавский // Военный сборник. – 1860. – № 4. – С. 269–318.
20. Сефербеков, Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонафикации) / Р.И. Сефербеков. – Махачкала, 2009. – 407 с.
21. Ханмагомедов, Х.Л. Гудул-Гудул генети – языческий обряд вызывания дождя у берикейских азербайджанцев / Х.Л. Ханмагомедов // Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа: (Тезисы общероссийской конференции 23–25 сентября 1997 г.). – Пятигорск, 1997.
22. Шихалиев, Д.-М.А. Рассказ кумыка о кумыках / Д.-М.А. Шихалиев // Кавказ. – 1848. – №№ 33–44.
23. Шихсаидов, А.П. Распространение ислама в Дагестане / А.П. Шихсаидов // Исламоведение. – 2010. – № 1. – С 31–50.
24. ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
25. Abercromby, J. An Amazonian Custom in the Caucasus / J. Abercromby // Folklor. – 1891. – No. 2(2). – 171–181.
26. Colarusso, J. The Woman of the Myths: the Satanaya Cycle [Электронный ресурс] / J. Colarusso // Annual of the Society for the Study of Caucasia. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=a7be63642ce4deab2d2b590e7d132465fe70551d> (дата обращения: 15.03.2024).
27. Colarusso, J. Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz, and Ubykhs / J. Colarusso. – Princeton University Press, 2002.
28. Kumakhova, Z.Kh. Existential Phenomena of Circassian Woman Consciousness in the 19th – 20th Centuries [Электронный ресурс] / Z.Kh. Kumakhova, A.I. Musukayev, I.I. Mareshaov, S.L. Akkiewa // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – No. 58. – P. 980–989. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2019.03.02.113> (дата обращения: 15.04.2024).
29. Steinberg, J. Tattooed Mountain Women and Spoon Boxes of Daghestan: Magic Medicine Symbols in Silk, Stone, Wood and Flesh / J. Steinberg // American Anthropologist. – 2002. – No. 109(4). – P. 747–748.
30. Zirbel, K. Iran, the Caucasus, Central Asia, and Afghanistan / K. Zirbel // Science (American University in Cairo). – No. 5(1). – P. 19–22.
31. Khasbulatova, Z.I. Ethnography of Treating Childhood Diseases with Folk and Magic Ways / Z.I. Khasbulatova, B.B.-A. Abdulvakhobova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 117. – P. 789–795, <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.106>.
32. Sirazhudinova S.V. Women’s Religious Activity in the North Caucasus in the Russian Empire / S.V. Sirazhudinova, Y.M. Huseynov // Bylje Gody. – 2023. – No. 18(1). – P. 46–55.
33. Tekueva, M.A. Gender factor in the culture of the Caucasian peoples / M.A. Tekueva // Issues of cultural studies. – 2012. – No. 8. – P. 37–42.
34. Tekueva, M.A. Women in the Caucasian war: grief and tears, or feat and honor? / M.A. Tekueva // Caucasian war: actual problems of historical discourse (on the 150th anniversary of the end). – Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2014.

Текст поступил в редакцию 27.06.2024.
 Принят к печати 26.07.2024.
 Опубликовано 27.03.2025.

References

1. Abercromby J. An Amazonian Custom in the Caucasus. *Folklore*. 1891, no. 2(2), pp. 171–181.
2. Adzhiev A.M. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo kumykov* [Oral Folk Art of the Kumyks]. Makhachkala, 2005 (in Russian).
3. Aligadzhieva Z.A. *Perezhitki domonoteisticheskikh verovanij i obrjadov avarcev-andalal'cev v XIX – nachale XX v.* [Remnants of Pre-Monotheistic Beliefs and Rituals of the Andalal Avars in the 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of PhD Thesis in History. Makhachkala, 2008, 26 p. (in Russian).
4. Alimova B.M. *Tabasarancy XIX – nach. XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Tabasarans in the 19th – Early 20th Centuries: Historical and Ethnographic Research]. Makhachkala, 1992 (in Russian).
5. Colarusso J. (Ed.). *Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz, and Ubykhs*. Princeton University Press, 2002.
6. Colarusso J. The Woman of the Myths: the Satanaya Cycle. *Annual of the Society for the Study of*

Caucasia. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=a7be63642ce4deab2d2b590e7d132465fe70551d> (accessed March 15, 2024).

7. Debirov G.M. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of the Materials for Description of Places and Tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1884. Issue. 4, pp. 25–38 (in Russian).
8. Dibirov M.A. *Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana* [Marriage and Wedding Customs of the Peoples of modern Dagestan]. Makhachkala, 1988, pp. 118–130 (in Russian).
9. Gadzhiev G.A. *Domonoteisticheskie verovanija i obrjady narodov Dagestana: rudimenty jazychestva v tradicionnoj duhovnoj kul'ture dagestancev* [Pre-Monotheistic Beliefs and Rituals of the Peoples of Dagestan: Rudiments of Paganism in the Traditional Spiritual Culture of Dagestanis]. Abstract of DSc Thesis in History. Moscow, 1992 (in Russian).
10. Gadzhieva S.Sh. *Kumyki. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Kumyks. Historical and ethnographic research]. Moscow: Nauka Publ., 1961, 388 p. (in Russian).
11. Gadzhieva S.Sh. *Tradicionnyj zemledel'cheskij kalendar' i kalendarnye obrjady kumykov* [Traditional agricultural calendar and calendar rituals of the Kumyks]. Makhachkala, 1989, 98 p. (in Russian).
12. Gusaeva K.G. *Mezhnacional'nye i mezhkonfessional'nye otoshenija v Dagestane: ot konfliktnosti k stabil'nosti* [Interethnic and interfaith relations in Dagestan: from conflict to stability]. Makhachkala: Nauka Plus, 2006, 368 p. (in Russian).
13. Karnailov O. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of the Materials for Description of Places and Tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1884. Issue. 4, pp. 1–24 (in Russian).
14. Karpov Yu.Yu. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. Nalchik: Publishing by M. and V. Kotlyarovs, 2013, 408 p. (in Russian).
15. Khanmagomedov Kh.L. *Nravy, traditsii i obychai narodov Kavkaza: (Tezisy obshcherossiyskoy konferentsii 23–25 sentyabrya 1997 g.)* [Manners, traditions and customs of the peoples of the Caucasus: (Theses of the all-Russian conference September 23–25, 1997)]. Pyatigorsk, 1997 (in Russian).
16. Khasbulatova Z.I., Abdulvakhabova B.B.-A. *Ethnography of Treating Childhood Diseases with Folk and Magic Ways. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2021, vol. 117, pp. 789–795, <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.106>.
17. Komarov A.V. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of the Materials for Description of Places and Tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1868. Issue. 1, pp. 1–96 (in Russian).
18. Kovalevsky M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and customs in the Caucasus]. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Typ. A.I. Mamontova and Co., 1890 (in Russian).
19. Kumakhova Z.Kh., Musukayev A.I., Maremsheva I.I., Akkieva S.L. *Existential Phenomena of Circassian Woman Consciousness in the 19th – 20th Centuries. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. No. 58, pp. 980–989. Available at: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2019.03.02.113> (accessed on April 15, 2024).
20. Leontovich F.I. *Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Materials on the customary law of the Northern and Eastern Caucasus]. Odessa, 1882. Vol. 2, pp. 1–340 (in Russian).
21. Lvov N. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis: Typ. Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1870. Issue. 3, pp. 1–32 (in Russian).
22. Magomedov R.M. *Po aulam Dagestana* [Through the villages of Dagestan]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1979, 155 p. (in Russian).
23. Murtuzaliev Yu.M. *Mifologicheskaja proza tabasarancev* [Mythological prose of the Tabasarans]. PhD Thesis in Philology. Makhachkala, 2008 (in Russian).
24. Przhetslavsky P. *Voennyj sbornik* [Military collection]. 1860, no. 4, pp. 269–318 (in Russian).
25. Rukopisnyj fond Instituta IEA DNTs RAN [Materials of the Manuscript Fund of the Institute of Dagestan Academy of Science the branch of Russian Academy of Science] (in Russian).
26. Seferbekov R.I. *Panteon jazycheskih bozhestv narodov Dagestana (tipologija, harakteristika, personifikacii)* [Pantheon of pagan deities of the peoples of Dagestan (typology, characteristics, personifications)]. Makhachkala, 2009, 407 p. (in Russian).
27. Shikhaliev D.-M. A. *Kavkaz* [Caucasus]. 1848, no. 33–44 (in Russian).
28. Shikhsaidov A.R. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2010, no. 1, pp. 31–50 (in Russian).
29. Sirazhudinova S.V., Huseynov Y.M. *Women's Religious Activity in the North Caucasus in the Russian Empire. Bylye Gody*. 2023, vol. 18(1), pp. 46–55.
30. Steinberg J. *Tattooed Mountain Women and Spoon Boxes of Daghestan: Magic Medicine Symbols in Silk, Stone, Wood and Flesh. American Anthropologist*. 2007, no. 109(4), p. 747.
31. Tekueva M.A. *Gender factor in the culture of the Caucasian peoples. Issues of cultural studies*. 2012, no. 8, pp. 37–42.
32. Tekueva M.A. *Women in the Caucasian war: grief and tears, or feat and honor? Caucasian war: actual problems of historical discourse (on the 150th anniversary of the end)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2014.
33. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan* [Central State Archive of the Republic of Dagestan] (in Russian).
34. Zirbel K. *Iran, the Caucasus, Central Asia, and Afghanistan 19. Science (American University in Cairo)*. No. 5(1), pp. 19–22.

Submitted for publication: June 27, 2024.

Accepted for publication: July 26, 2024.

Published: March 27, 2025.